А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 330** **19 декабря 2024 года**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному определению) суда апелляционной инстанции ... областного суда от 05 сентября 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 23 октября 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката М. по обращению (частному определению) суда апелляционной инстанции ... областного суда от 05 сентября 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, письменно уведомил о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ...).

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

... районным судом ... области с участием присяжных заседателей рассмотрено уголовное дело по обвинению Л. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Защиту подсудимого Л. в судебном заседании, наряду с другим защитником, осуществлял на основании заключенного соглашения адвокат М.

На протяжении судебного разбирательства адвокат М., осуществляя защиту Л. и оспаривая выдвинутое обвинение, неоднократно, в том числе с использованием образов и сравнений, доводил до присяжных заседателей сведения, которые, по мнению председательствующего судьи, не должны были до них доводиться, задавал допрашиваемым лицам вопросы, которые председательствующим снимались, в связи с чем ему неоднократно объявлялись замечания.

Приговором суда, постановленным на основании вердикта коллегии присяжных заседателей от 23 июля 2024 года, Л. оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением ... областного суда от 05 сентября 2024 года указанный приговор отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции со ссылками, в том числе, на систематическое и грубое нарушение адвокатами М. и Ма. требований уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

В обращении (частном определении) суда апелляционной инстанции ... областного суда от 05 сентября 2024 года в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что последний в ходе судебного разбирательства по указанному уголовному делу допустил следующие высказывания:

– в судебном заседании 17 июля 2024 года заявил, что «вопрос применения физической силы является имеющим значение для уголовного дела…»; задавал вопросы свидетелю В., являющемуся участковым уполномоченным полиции Отдела МВД России по ... району, относительно обстоятельств процессуального оформления сотрудниками полиции действий Л., которые ему «не вменялись», а также причин несоставления «протокола о нахождении Л. в состоянии алкогольного опьянения»; заявил, что «поведение и состояние подсудимого должно быть оценено, должна даваться надлежащая оценка»; задавал вопросы Л. относительно характера образования установленных у него повреждений; заявил: «если бы не я, то меня. Вы получите объективное подтверждение этому суждению в рамках изучения уголовного дела, в рамках изучения доказательств стороны защиты и видеозапись, которую я вам представлю»;

– в судебном заседании 19 июля 2024 года заявил, что у Т. ранения находятся с левой стороны; заявил: «все, дрались, выходили из себя, вели себя бесконтрольно, в том числе и женщины. Женщины, как говорит

судебная практика и психология, наиболее жестоки при ситуации, когда угрожают жизни им и близким. Например, аварийная ситуация на дороге, Вас кто-то подрезал на скорости, выехал на встречку, мы останавливаемся, бесконтрольно ругаемся... Лишь потом выходим и проверяем, цел ли автомобиль, порвано ли колесо...»; заявил: «при исследовании доказательств, прошу Вас как бы это не было тяжело, поставить себя на место Л.»; попросил присяжных быть готовыми к тому, что его будут перебивать, а также заявил: «тут уже речь идет не о Л., лапше, которую Т., неоднократно меняя свои показания, пыталась повесить вам на уши. Очень подробно во всех этих макаронных изделиях разобрался адвокат М. и пояснит об этом сразу после меня»; заявил: «но вы постарайтесь услышать мои слова...»; заявил: «не желая допустить справедливости, лица, причастные к расследованию уголовного дела, демонстрировали еще один юридический изыск – следственный эксперимент»; заявил: «Вы только представьте, если такое происходит при Вас, что происходит, когда дела рассматриваются без присяжных заседателей! Вот если бы Вам показали видео, вы бы увидели, что он кинул, в кого он кинул и для чего»; заявил: «если мы с Вами осудим человека показаниями потерпевшей, то каждый из нас может нести ответственность, просто защищая себя и своих близких и по такому же обвинению. Юриспруденция целиком и полностью зависит от воли законодателя и правоприменителя»; заявил: «каждый из нас поступил бы также»; заявил: «все подменено твердой убежденностью, что если человеку предъявлено обвинение, так уж явно не просто так, значит его надо осудить любой ценой». «Прошу помнить, что в ваших руках судьба не моего клиента, а моего друга и судьба членов его семьи. Я уверен, что вы спасете судьбу моего друга, вы отстоите ее, вы докажете ему, что есть кому его защитить, Вы докажете, что судьба Л. в хороших руках, не зря мы выбрали именно вас, не зря выбрали суд присяжных»; заявил об «избирательности соблюдения порядка рассмотрения уголовного дела»;

– в судебном заседании суда апелляционной инстанции 05 сентября 2024 года заявил, что представления судей на его действия влияния не имеют, заверил, что продолжит осуществлять защиту подобным образом и дальше.

Авторы обращения полагают, что адвокат М. допустил в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство участников судебного разбирательства, а также проявил неуважение к ним. Кроме того, по утверждениям авторов обращения, адвокат М. не соблюдал нормы УПК РФ, что выразилось в том, что он формировал у коллегии присяжных заседателей негативное отношение к государственному обвинителю, доказательствам, которые последний был намерен представить, и к действиям председательствующего, затронул оценку доказательств, предложил присяжным заседателям критически оценить увиденное и услышанное в суде, ставил еще не исследованные доказательства под сомнение. Тем самым, по мнению заявителей, адвокат М. нарушил пп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. указанные дисциплинарные обвинения последовательно отрицал, настаивал, что нарушений положений Кодекса профессиональной этики адвоката не допускал. По его мнению, заявители некорректно интерпретировали выражения защитников Л. Свои обязанности перед доверителем он выполнял честно и добросовестно, проявлял необходимую настойчивость и активность, чем и вызвал негативную оценку заявителями своих действий.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в произнесении адвокатом М. высказываний, умаляющих честь и достоинство участников судебного разбирательства и связанных с неуважением к суду, Совет отмечает, что из обращения и представленных заявителями доказательств непонятно, какие именно из высказываний адвоката М. носят подобный недопустимый характер, то есть дисциплинарное обвинение в данной части является неконкретным. При этом в силу пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката обязанность по конкретизации каждого выдвинутого дисциплинарного обвинения, а также бремя доказывания тех обстоятельств, на которых заявитель основывает свои требования, возлагается на последнего.

Проанализировав приведенные в частном определении и изложенные выше высказывания адвоката М., Совет не находит в них каких-либо признаков неуважения к суду, а также умаления чести и достоинства участников судебного разбирательства.

Высказывание адвоката М. о показаниях потерпевшей Т. как о «лапше, макаронных изделиях, которые пытаются повесить присяжным на уши», Совет оценивает как выраженное в образной форме утверждение о недостоверности показаний потерпевшей в силу их непоследовательности. Образность и эмоциональность высказываний в прениях сторон являются допустимыми ораторскими приемами и сами по себе не свидетельствуют ни об умалении чести и достоинства участника судопроизводства, ни и о проявлении к нему неуважения, если они сделаны в корректной форме и с использованием деловой манеры поведения, от которых адвокат М. в данном случае не отступал. Выражение адвокатом сомнений в достоверности доказательств, представленных стороной обвинения, является реализацией принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство (ст. 15 УПК РФ). Совет при этом учитывает, что, характеризуя указанное высказывание как оскорбительное, заявитель не конкретизировал, в чем именно он усматривает его оскорбительность, а также то, чьи именно честь и достоинство данное высказывание, по его мнению, умаляет.

Выражение защитником-адвокатом несогласия с процессуальным поведением председательствующего или иного участника судопроизводства также не свидетельствует ни о проявлении неуважения к соответствующему субъекту, ни об умалении его чести и достоинства. Анализ содержания протоколов судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций по данному делу свидетельствует о том, что высказывания адвоката М. не

выходили за рамки исполнения им профессиональных обязанностей защитника Л.

Кроме того, согласно п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части по вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Давая оценку второй группе дисциплинарных обвинений – в нарушении адвокатом М. норм УПК РФ, Совет отмечает, что положения уголовно-процессуального закона, в частности ч. 1 ст. 332 УПК РФ, устанавливающие содержание присяги присяжного заседателя, а также п. 5-6 ч. 3 ст. 340 УПК РФ, предусматривающие требования к напутственному слову председательствующего, ориентируют присяжных заседателей именно на «критическую оценку» доказательств. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось органами адвокатского самоуправления города Москвы, «поскольку в функции защитника не входит поддержание обвинения, создание «предубежденности к доказательствам» стороны обвинения является составной частью осуществления защиты, в том числе и при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей».

Указание адвокатом М. во вступительном заявлении на то, что присяжные неоднократно услышат высказывание «если бы не я, то меня», на которое им следует обратить внимание, никак не свидетельствует о формировании «негативного отношения к действиям председательствующего». Равным образом, обращенная к присяжным заседателям просьба адвоката М. «быть готовыми к тому, что его будут перебивать», не содержит утверждений о том, что данные действия будет совершать именно председательствующий, равно как и не характеризует сами эти действия как незаконные. При этом положения ч. 2, 3 ст. 336 УПК РФ прямо предусматривают право председательствующего останавливать участника прений сторон при наличии к тому оснований.

Оценивая доводы заявителя о том, что адвокат М., несмотря на замечания со стороны председательствующего безосновательно в присутствии присяжных заявил, что «вопрос применения физической силы является имеющим значение для уголовного дела…», а также сослался на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», Совет отмечает, что положениями ст. 257 УПК РФ установлен

следующий регламент судебного заседания: «1. При входе судей все присутствующие в зале судебного заседания встают. 2. Все участники судебного разбирательства обращаются к суду, дают показания и делают заявления стоя. Отступление от этого правила может быть допущено с разрешения председательствующего. 3. Участники судебного разбирательства, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, обращаются к суду со словами “Уважаемый суд”, а к судье – “Ваша честь”. 4. Сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации обеспечивает порядок судебного заседания, выполняет распоряжения председательствующего. Требования сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации обязательны для лиц, присутствующих в зале судебного заседания. 5. Судебное разбирательство проводится в условиях, обеспечивающих установленный порядок судебного заседания и безопасность участников уголовного судопроизводства. Действия лиц, присутствующих в зале судебного заседания и осуществляющих разрешенные судом фотографирование, видеозапись и (или) киносъемку, трансляцию по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не должны нарушать установленный порядок судебного заседания. Эти действия могут быть ограничены судом во времени и должны осуществляться на указанных судом местах в зале судебного заседания и с учетом мнения лиц, участвующих в деле».

В силу указанных положений понятие «регламент судебного заседания» в уголовном судопроизводстве не может толковаться расширительно, а соблюдение этого регламента не предполагает обязанности адвоката-защитника следовать любым указаниям председательствующего, не подвергая их критической оценке.

Право защитника, равно как и любого другого участника судебного разбирательства, возражать против действий председательствующего прямо предусмотрено ч. 3 ст. 243 УПК РФ. В связи с этим не могут рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка высказывания адвоката М., которые в корректной форме выражали его несогласие с действиями председательствующего. Исследовав протокол судебного заседания от 17 июля 2024 года, Совет приходит к выводу, что как довод адвоката М. о том, что «вопрос применения физической силы является имеющим значение для уголовного дела…», так и его ссылка на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» не были направлены ни на формирование у присяжных заседателей мнения о председательствующем как о лице, не соблюдающем требования закона при рассмотрении уголовного дела, ни на подрыв в глазах присяжных заседателей его профессионализма. Указанные заявления носили характер возражений против действий председательствующего по конкретным поводам. Они были обусловлены снятием председательствующим поставленных защитниками вопросов и в силу этого являлись допустимой формой отстаивания прав и

законных интересов подсудимого Л. Совет в этой связи подчеркивает, что адвокат как независимый профессиональный участник судопроизводства вправе формировать и выражать позицию по делу, в том числе и относительно значимых для его правильного рассмотрения и разрешения обстоятельств, которую он обязан согласовывать исключительно со своим доверителем. Более того, такие действия являются неотъемлемой составляющей надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей, предусмотренных пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как уже неоднократно отмечалось органами адвокатского самоуправления города Москвы, в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность: заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством (ст. 53, ч. 3 ст. 243, ст. 248 и др. УПК РФ), а адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Доводы заявителя о недопустимости выяснения в ходе судебного следствия адвокатом М. у свидетеля В. (участкового уполномоченного полиции) обстоятельств процессуального оформления сотрудниками полиции действий Л., которые ему «не вменялись», а также причин несоставления «протокола о нахождении Л. в состоянии алкогольного опьянения» оцениваются Советом как необоснованные. Из протокола судебного заседания усматривается, что государственный обвинитель Ш.. в своем вступительном заявлении 15 июля 2024 года, оставленном без какого-либо процессуального реагирования со стороны председательствующего, ссылалась на то, что Л. «находится в состоянии алкогольного опьянения». Согласно абз. 2 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», в присутствии присяжных заседателей допустимо исследовать вопрос о совершении подсудимым преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного вида опьянения, если это связано с предъявленным обвинением, поскольку такие данные относятся к предмету доказывания по уголовному делу. Беспрепятственное указание государственным обвинителем в присутствии присяжных заседателей на совершение Л. инкриминируемого деяния в состоянии алкогольного опьянения свидетельствует о том, что председательствующим эти данные были признаны относимыми к предмету доказывания по уголовному делу. Следовательно, и анализируемые вопросы

адвоката М. не выходили за рамки установленных ч. 7 ст. 335 УПК РФ ограничений. Кроме того, предоставление адвокату-защитнику возможности опровержения доводов государственного обвинителя является обязательным условием соблюдения права подсудимого на защиту и принципа состязательности сторон.

Вопреки доводам обращения, положения ст. 335 УПК РФ не содержат запрета на «исследование данных, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей», а также на «обсуждение вопросов применения права или процессуального характера». В пункте 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», указано на недопустимость исследования данных, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей именно в отношении подсудимого, тогда как адвокат М. обвиняется в «формировании у присяжных заседателей предубеждения к государственному обвинителю и суду» путем проявления процессуальной активности и неоднократного заявления возражений против действий председательствующего. Исключение из спектра внимания присяжных заседателей любых вопросов процессуального характера законом не предписывается и не может быть обеспечено в практических условиях, поскольку деятельность участников уголовного судопроизводства, равно как и деятельность допрашиваемого свидетеля – сотрудника правоохранительного органа, является «процессуальной» по своей природе.

Совет учитывает, что согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению», а в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 335 УПК РФ «в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 настоящего Кодекса». Однако, по смыслу п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», возложенная на председательствующего обязанность по обеспечению проведения судебного разбирательства в пределах предъявленного подсудимому обвинения реализуется при обязательном условии предоставления сторонам возможности доведения до коллегии присяжных заседателей своей позиции, в том числе о непричастности подсудимого к совершению преступления или совершении преступления другим лицом. Следовательно, утверждение заявителей о том, что сторонам в ходе судебного следствия с участием присяжных заседателей запрещается «выяснять вопросы о возможной причастности к преступлению иных лиц, не являющихся подсудимыми по рассматриваемому делу», основано на

толковании уголовно-процессуального закона, противоречащем вышеприведенному разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Исполнение председательствующим обязанности по обеспечению соблюдения пределов судебного разбирательства предполагает постоянную оценку им поведения и процессуальной активности его участников. Вместе с тем, это не исключает иной правовой оценки пределов судебного разбирательства со стороны защитника как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, равно как и не препятствует выражению им несогласия с действиями председательствующего.

При этом установленные в ч. 7 ст. 335 УПК РФ ограничения не могут толковаться расширительно, порождая для защитника не предусмотренные уголовно-процессуальным законом препятствия в выборе тактики допроса свидетеля. Из взаимосвязанных положений ст. 2, 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 5, 8 Кодекса профессиональной этики адвоката вытекает, что адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным. Таким образом, выяснение адвокатом М. у свидетеля В. являющегося сотрудником правоохранительного органа, его осведомленности о требованиях закона, в том числе о положениях ст. 19.3, 20.23 КоАП РФ, дисциплинарного проступка не образует. Верховный Суд Российской Федерации, придерживаясь аналогичной позиции, в своем Определении от 12 февраля 2007 года № 83-О06-23СП отмечает, что тактику защиты адвокат, допущенный к участию в деле в качестве защитника, определяет самостоятельно, согласовывая позицию со своим подзащитным.

Кроме того, как было неоднократно указано Конституционным Судом Российской Федерации, «часть третья статьи 56 УПК Российской Федерации, определяющая круг лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, не исключает возможность допроса следователя, проводившего предварительное расследование по уголовному делу, а также дознавателя либо иного сотрудника органа дознания, в том числе участвовавшего в проверке заявления или сообщения о преступлении в порядке статьи 144 того же Кодекса, в качестве свидетелей об обстоятельствах производства отдельных следственных, иных процессуальных и проверочных действий, включая оперативно-розыскные» (См., например, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 года № 2617-О и от 21 ноября 2022 года № 3014-О).

Не предусмотрено уголовно-процессуальным законом и запрета на постановку защитником под сомнение показаний свидетеля, поскольку это исключило бы возможность полной и всесторонней проверки доказательств и повлекло бы упразднение состязательности в уголовном судопроизводстве.

Утверждения заявителя о том, что вопросы и высказывания адвоката М. «вводили присяжных в заблуждение» и «отвлекали их внимание», имеют оценочный характер, неконкретны и не подкреплены доказательствами, а кроме того, являются субъективной оценкой судом апелляционной

инстанции отношения к рассмотрению дела со стороны иных судей (присяжных заседателей). По этим причинам такие утверждения не могут служить основанием для опровержения презумпции добросовестности адвоката.

Доводы адвоката М. о том, что Л. не находился в состоянии алкогольного опьянения, характере и расположении повреждений на теле погибшего Т., а также об «установлении» телесных повреждений у Л. подлежали проверке в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, могли быть оспорены и опровергнуты государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства, что являлось бы проявлением принципа состязательности при рассмотрении дела. Однако опровержение указанных доводов адвоката М. не может осуществляться посредством дисциплинарного производства. Гипотетическое несоответствие сообщаемых адвокатом М. сведений иным имеющимся в материалах уголовного дела доказательствам не свидетельствует о недостоверности именно этих сведений, а указывает лишь на примененную данным адвокатом трактовку доказательств, на которую последний имел предусмотренное законом право.

Не содержит дисциплинарного проступка и указание адвоката М. на необеспечение в ходе следственного эксперимента соответствия погодных условий, одежды и обстановки воспроизводимому событию. Данные утверждения фактически являются доводами адвоката М. о недостоверности доказательства и поэтому нарушением ч. 6 ст. 335 УПК РФ не являются. Запрета на выражение защитником сомнений в достоверности доказательства уголовно-процессуальный закон не содержит. Более того, в абз. 3 п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» судам разъясняется, что «оценка доказательств на предмет их достоверности и достаточности относится к компетенции присяжных заседателей, в связи с чем любая из сторон, участвующих в прениях, не может быть ограничена в возможности изложить коллегии присяжных заседателей соответствующие доводы, не затрагивая вопросы допустимости доказательств».

Определяя особенности прений сторон при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, ст. 336 УПК РФ предусматривает, что:

«Прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Если участник прений сторон упоминает о таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает его и разъясняет присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта» (ч. 2);

«Стороны не вправе ссылаться в обоснование своей позиции на доказательства, которые в установленном порядке признаны недопустимыми или не исследовались в судебном заседании. Судья прерывает такие выступления и разъясняет присяжным заседателям, что они не должны учитывать данные обстоятельства при вынесении вердикта» (ч. 3).

Иных особенностей прений сторон в суде с участием присяжных заседателей уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Таким образом, утверждения заявителя о том, что в выступлении в прениях адвокат М. «затрагивал вопросы правового и процессуального характера», «формировал у присяжных заседателей мнение о судебном произволе», «незаконности проведения предварительного и судебного следствия», «заявил о лишении защиты возможности предоставления видеозаписи», «оскорбительно оценил» показания потерпевшей Т. «критиковал действия обвинения», заявил, что присяжным в процессе часто пытались закрыть глаза на определенные факты, «переводил судебно-следственную ситуацию на присяжных», не свидетельствуют о дисциплинарных проступках адвоката М., поскольку адвокат не может быть привлечен к ответственности ни за критику обвинительной деятельности, направленной против его подзащитного, ни за проявление принципиальности и активности в отстаивании его прав и свобод.

Проверив доводы заявителя о том, что адвокат М. «при исследовании доказательств просил присяжных поставить себя на место Л.», Совет установил, что данное высказывание имело место не в ходе судебного следствия, а именно в выступлении в прениях 19 июля 2024 года, когда адвокат М. сказал: «При исследовании доказательств прошу Вас как бы это не было тяжело, поставить себя на место Л.». Вопреки доводам заявителя о недопустимости такого высказывания, Совет не усматривает в нем признаков дисциплинарного проступка. Помимо того, что уголовно-процессуальный закон не содержит соответствующего запрета, способность присяжных поставить себя на место подсудимого является одним из фундаментальных преимуществ этого вида суда, отмечавшимся в трудах выдающихся российских юристов: «В отличие от коронного суда, главнейшим принципом деятельности которого является принцип неуклонного применения формальной правды, закона, присяжные вносят в дело еще один момент, момент нравственной чуткости, жизненной правды. Они уточняют железные формулы закона, они не допускают, чтобы summum ius (высшее право (лат.)) превратилось в summa iniuria (высшая несправедливость (лат.)). <…> Присяжные вносят в дело свежий взгляд, чуткое сердце и душевные силы <…> Они прекрасно знают жизнь, ее условия, в особенности местные, и в этом отношении являются гораздо более компетентными судьями, чем судья коронный, которому житейские условия зарождения и возникновения многих преступлений чужды. Они глубже и вдумчивее вникают в особенности надлежащего их решению дела …» *(Розин Н.Н. О суде присяжных. Публичная лекция, читанная в Томске 24 февраля 1901 года в пользу пострадавших от неурожая в Томской губернии. Цит. по: Адвокатура и суд*

присяжных в России: Сборник статей и документов. В 2 т. / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации; сост. С.А. Насонов, М.В. Петелина. Москва: Издательство «Граница», 2016. Т. I. Введение и развитие суда присяжных. С. 168-169).

При таких обстоятельствах, использование адвокатом М. в выступлении в прениях сторон вышеприведенного и других приемов убеждения не свидетельствует о «возложении на присяжных не предусмотренной законом функции защиты подсудимого». Являясь основной целью защитительной речи адвоката, убеждение неизбежно предполагает оказание психологического воздействия, которое недопустимо лишь в случае его противозаконности. Сведений о каких-либо противозаконных формах воздействия на присяжных заседателей в частном определении не приводится. Эмоциональность высказываний адвоката М., выражение им убежденности в том, что присяжные «спасут его друга», не могут расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона. «Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случиться не может» *(Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва: Юридическая литература, 1988. С. 49)*.

Заявление адвокатом М. при реализации права на реплику 19 июля 2024 года об «избирательности соблюдения порядка рассмотрения уголовного дела» не свидетельствует о том, что он подверг сомнению беспристрастность суда. Данное высказывание произнесено адвокатом М. в ответ на реплику государственного обвинителя Ш., в связи с которой председательствующий сделал государственному обвинителю замечание. Таким образом, адвокат М. указывал на недопустимость поведения государственного обвинителя, а не председательствующего. Такого права защитник не лишен.

Поскольку в поведении адвоката М. не выявлено дисциплинарных проступков, допущенных в ходе рассмотрения судом первой инстанции уголовного дела в отношении Л., не может рассматриваться как профессионально неэтичное и его заверение суда апелляционной инстанции в том, что «он продолжит осуществлять защиту Л. подобным образом и дальше». Оценка же процессуальных рисков избрания адвокатом конкретной тактики защиты находится за пределами компетенции Совета и производится адвокатом и его доверителем самостоятельно.

Завершая оценку выдвинутых в отношении адвоката М. дисциплинарных обвинений, Совет считает необходимым отметить, что в целом в основе доводов рассматриваемого обращения лежит самостоятельное истолкование его авторами положений ст. 334-337 УПК РФ, существенно расширяющее ограничения, налагаемые законом на процессуальную активность защитника в суде с участием присяжных заседателей. Между тем, в силу универсального принципа правовой определенности действия адвоката-защитника, идущие вразрез с таким

толкованием уголовно-процессуального закона, не могут являться основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, поскольку не могут рассматриваться как нарушения требований ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката. Помимо этого, Совет вновь повторяет, что органы адвокатского самоуправления не вправе вмешиваться в тактику, самостоятельно определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела в силу его законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Самостоятельное толкование адвокатом смысла и содержания норм законодательства также является его неотъемлемым правом. По этой причине претензии к адвокату в части, касающейся выбранной им тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности лишь в связи с расхождением его толкования уголовно-процессуальных норм с позицией другого профессионального участника уголовного судопроизводства было бы равносильно лишению адвоката возможности исполнения его профессиональной обязанности по активной защите прав, свобод и интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами.

Таким образом, и в части второй группы дисциплинарных обвинений презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по обращению (частному определению) суда апелляционной инстанции ... областного суда в составе председательствующего судьи Т.., судей К., Ч. от 05 сентября 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**